

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ПОНИМАНИЕ ПАТРИОТИЗМА ДМИТРИЕМ КИДОНИСОМ

Содержание системы политических воззрений, имевшей место в Византии середины XIV в., включает и понимание патриотизма — долга перед родной страной, любви к ней. Любовь к отчизне с античных времен почиталась как высшая добродетель. Византийцы в полной мере усвоили эту константу греко-римской идеологии. Не *patris* в сочинениях византийских писателей всех времен являлась объектом наивысшего восхваления. Тоска по родным местам — неперемнный атрибут всех писем, написанных вне отеческого дома. Констатация любви автора к родине являет собой *topos koinos* византийской литературы¹.

Димитрий Кидонис, один из крупнейших политических деятелей XIV в., первый министр императорского двора, не составляет исключения среди других писателей страны. Многие его письма содержат сетования по поводу разлуки с родиной. «Для нас наивысшим страданием является то, что мы оторваны от родины и от всех вас», — писал он брату Прохору из Италии в конце 60-х гг.² Выражая восхищение итальянской культурой и наукой, Димитрий замечает в этом письме: «Мне все это тягостно, ибо я размышляю о судьбе моей родины, о наших врагах»³. Перечень подобных фрагментов из корреспонденции Кидониса мог бы быть пространным. Однако следует заметить, что его патриотизм не всегда соответствовал той официальной шкале, по которой измерялось отношение человека к отчизне.

Как известно, политическая доктрина Византии сводилась к утверждению господства империи над всей ойкуменой⁴. Константинополь именовался *theatron tes oikoumenes, ofthalmos kai kardia tes ges*⁵. Значительность византийской столицы как центра мировой державы выводилась из прежнего господства античного Рима, и поэтому Константинополь часто именовался *deutera Rome, nea Rome*. Византийская империя подтверждала свой авторитет, унаследованный от древнего Рима, еще и тем, что она была очагом христианства. Император именовал себя «непоколебимым столпом всех крещенных, защитником догматов Христа»⁶. Иоанн Кантакузин в письме к великому князю московскому Симеону (1347) заявлял: «Да, империя ромеев,

так же как и священная великая церковь божья, есть... источник всякого благочестия, учитель закона и освящения»⁷. Патриарх Филофей в письме 1370 г. именовал себя «отцом всех христиан, где бы они ни жили»⁸. Одним из элементов политической доктрины было утверждение божественного происхождения власти византийского императора.

Димитрий Кидонис не раз высказывал мысли, соответствующие этой политической доктрине. Связывая надежды на установление сильной императорской власти с именем Иоанна Кантакузина, он мечтал о создании государства, охватывающего «народы и города, острова и континенты»⁹. В проимии к одному из императорских хрисовулов Димитрий Кидонис выделяет тезис о божественном происхождении императорской власти¹⁰. Однако это трафарет, соответствующий всем проявлениям официальной идеологии, оказался нарушенным, когда Кидонису пришлось защищать себя от обвинений в предательстве. Занимая высокий государственный пост месадоны¹¹, Кидонис был склонен к союзу империи с Западом. Многим придворным сановникам не нравилась увлеченность близкого к императору человека культурой, наукой, языком Италии. Доказательству своей приверженности всему отечественному посвящена первая «Апология» (*Deotai pros Theou*) Димитрия Кидониса¹². Это сочинение занимает особое место в византийской литературе¹³, поскольку Кидонис в пылу спора отошел от официальной доктрины. Мы обнаруживаем здесь индивидуальный, отличный от общепринятого подход к пониманию патриотизма.

Димитрий Кидонис выступил против не соответствующего истине содержания многочисленных энкомиев своих современников. По сути дела, в «Апологии» предстает шаржированным шаблонный образец похвальных слов, обращенных к столице: «Один восхищался кольцом стен нового Рима, провозглашал его большим, нежели старый, описывал красоту и число находящихся в нем храмов, говорил, что гавань более безопасна, чем где бы то ни было в мире, и перечислял, какие корабли заходят в нее отовсюду. Что же касается местоположения, то, по их словам, город находится на самом прекрасном месте земли, представляя собой око мира. Добавляя, он произносил много слов о преимуществах города. Он говорил, что старый (Рим) во всем проигрывает и не стоит обращать на него внимание и даже называть его Римом по причине его очевидного разрушения и старости (370.24—31). Новый же Рим, в описании этого энкомиаста, находится «на вершине расцвета» (*ep' akmes*). Димитрий Кидонис, перечисляя в этом фрагменте «Апологии» все основные компоненты энкомиев столицы, отказывается вторить им и «перекиривать лягушек» (*tous batrachous hyperfonnoien* — 400.99). Писатель высказал свое стремление «объявить недействительными» (*akigoun*) общие мнения, стоявшие столько лет непоколебимо, прославленные столькими выдающимися людьми и

появляющиеся восхищающие всех» (385.7—9). Кроме того, Кидонис полагал, что всеобщие восхваления в адрес империи не всегда искренни, поскольку они имели порой цель принизить все зарубежное: прославление отечественного является тайным прикрытием зависти» (τον ιθονον sunekrupton — 366.92—93).

Кидонис разбивает все аргументы энкомиастов. Тому, кто считал, что заслуги города определяются его величиной, писатель приводит пример маленького Вифлеема и шумного большого Вавилона. Признавая второй город более крупным, нежели первый, мы должны были бы «броситься в пыль перед его статуями» (371. 70—72), забыв о тех событиях, которые связывали имя господа с Вифлеемом (371.64—65). Кидонис убеждает христианского читателя, что не может значительность города объясняться только его размерами.

Писатель стремится убедить своих противников, что императорское достоинство Константинополя было получено по наследству от древнего Рима: «Что касается императорского титула, он пришел к нам оттуда. Вначале там один человек назывался римским императором, и то, что он владел всем и склонил все народы под одним игом — заслуга того города, который с помощью его полководцев всей ойкумене, словно какому-то рабу, наложил клеймо и дал как победный венок монархию и его титул тому, кто царствовал в нем. Если новый Рим о чем-то и говорит с важностью, то это пришло к нему оттуда, так же как его высокомерие и почет, а также императорская власть, и сенат, и название» (372. 80—87). Если бы не было заслуг древнего Рима, по мнению Кидониса, Константинополь не имел бы многих из своих достоинств.

Развенчивается писателем и акме Константинополя. Он называется в «Апологии» столицей несчастий и страданий вместо того, чтобы быть столицей городов, которыми он раньше правил (374. 60—61). Кидонисом ставится под сомнение нравственное достоинство столицы: «Где право? Где закон? Где судья? Где забота о науках? Где обучение богословию? Где, по крайней мере, видимость добродетели? Это ли город, которым мы очень гордимся?» (374.57—59). Автор считает, что Константинополю в XIV в. сопутствует не расцвет, а обнищание: «Богачи ходят подобно нищим, а другие покидают город, словно тюрьму, и ищут для себя (местечко), где не надо быть рабом. Кто бы смог рассказать о ничтожном числе оставшихся в живых и об их страданиях» (374.66—375.68). Соседние государства вмешиваются во внутренние дела империи и ставят ее в зависимость: «И здесь рабство, и нам (нужно) служить варварам во всем, что они предписывают» (374.56—57). Кидонис считает, что империя переживает такую судьбу, которую можно пожелать только врагам: «Мы вынуждены сетовать, желая, чтобы та же судьба постигла и (наших) врагов, которым мы ей обязаны». (375.74—75).

К высмеиваемым Кидонисом моментам энкомиев следует отнести и выделение, наряду с императорским достоинством Константинополя, его духовного престижа. «И вновь вспоминали о величине города, о его императорском достоинстве и священстве о четырех (патриархах)», — писал Димитрий Кидонис (385. 9—10). Однако опека пасовых им верующих, по мнению автора, не была главным устремлением константинопольского патриарха, беспокоящего более всего сохранением его положения в духовном мире: «Здесь (в Константинополе. — *М. П.*) у патриарха очень мало заботы о пастве, все (его) усердие (*spoude*) — стремиться угодить в чем-либо императору, ибо он знает, что по его (императора) решению ему как дар (дано право) возглавить Церковь и что, если император будет раздражен, он (патриарх) тотчас же будет сброшен» (373.27—30). Отношения императора и патриарха сравниваются Кидонисом с положением господина и раба: «Он (патриарх. — *М. П.*) вынужден вести себя в отношении императора подобно рабам, если он хочет пользоваться призраком власти (*tou tes arches eidolou*) хотя бы некоторое время» (373.30—32). Патриарх не имеет возможности самостоятельно решать даже самые ничтожные вопросы: «Если же он осмеливается ответить или порицает кого-либо из клира, или привлекает к ответственности кого-нибудь из кабатчиков, или принимает самое пустяковое решение, не кажущееся целесообразным императору, тотчас же начинается хождение в императорский дворец заинтересованных лиц, и следует, что патриарх во всем является неправомочным, даже если он и ссылается на евангелие, апостолов, все каноны и законы» (373.32—374.36). Кидонис убежденно говорит об иллюзорности власти патриарха, могущего ежеминутно не только лишиться сана, но и получить обвинение в преступлении: «Если он не упадет на колени и не будет слезно просить о милости, он не только лишится трона и власти, но и подпадет под законы о предателях и человекоубийцах и будет осужден к тому же за кощунство» (374. 36—38). В империи, которая, как принято было думать, почиталась всеми как лоно веры и надежды христианского мира, церковь находилась в зависимости от государственной власти: «В таком рабском положении и позоре видят у нас невесту Христову, независимость и полная свобода которой должны быть словно символ» (*ten parresian kai ten dia panton cleutherian hosper ti symbolon einai proseken* — 374.39—41).

Димитрий Кидонис не оставляет камня на камне от официальной теории ойкумены. Он замечает, что многие из тех, кто ранее входил в состав империи, готовы ей ежеминутно изменять: «Что же гордого в нашей власти, если те, кем мы, как нам кажется, еще управляем, служат вместо нас другим» (374.51—52). Писатель считает, что к империи тянутся лишь те, кто «по невежеству, как говорят, пригоден лишь для того, чтобы пасти коз» (*epitedeios aipolein* — 374.53—54). В междуна-

родных отношениях, по Кидонису, давно уже господствуют не византийцы, а турки: «Властвуют нечестивые, их все почести и доходы» (374.42—43). Мало того, замечает автор, сами византийцы стали склонны к измене и переходу в лагерь турок: «И вот чего нельзя услышать без ужаса, что каждодневно большинство отходит к нечестивым... и никого нет среди нас, кто бы не перешел к врагам» (374.46—50). Византийские императоры, являющиеся по официальной политической доктрине властителями мира, в изображении Кидониса предстают зависимыми от соседей: «Разве наши императоры не вынуждены нести службу варварам и разве по их знаку они не устраивают (свою) жизнь? Разве не берут они на себя участие в далеких военных походах на длительный срок среди страданий и тягот ради их (варваров.— *М. П.*) влияния?» (374.62—65). За подобным описанием внешнеполитического положения Византии следует утверждение об опустошенности ее казны: «Разве не опасны налоги, которыми опустошается государственная казна и которые истощили достаток граждан?..» (374.65—66).

На фоне подобной характеристики внешнеполитического положения империи звучат нелепыми утверждения соотечественников Кидониса о превосходстве эллинов над прочими народами, именуемыми варварскими: «Наши (*hoi hemeteroi*) по-прежнему придерживались старого деления и делили всех людей на две группы — на греков и варваров. При этом они совершенно неразумно и невежественно считали, что последние (варвары.— *М. П.*), подобно ослам или быкам (*opon e boon*), в лучшем случае никак не принимались во внимание» (365.77—80).

Димитрий Кидонис ратует за необходимость знать своих соседей. Он замечает, что нельзя не считаться с влиятельностью латинской церкви в европейском мире: «Она первенствует, только проплыть Малею, над всеми народами и городами вплоть до Гадиры (Кадиса.— *М. П.*), вершит она власть над Галлией, Испанией и Германией на севере, которые, как говорят, превосходят числом всех остальных христиан, вместе взятых. Она распространяется на запад до океана и дает законы людям больших островов (*en tais megalais nesois anthroipois* — 372.91—95)». Писатель считает, что пренебрежительное незнание соседей не может принести хорошие плоды. Необходимо учитывать не только силу, влиятельность других народов, но и знать их убеждения, их идеологию. Свои занятия латинской схоластикой он в связи с этим так объясняет своим соотечественникам: «С помощью того, что я говорю, я разоблачаю уловки (*mechanas*) и мысли противников, я обнаруживаю копыя (*ta bele*), которыми они намереваются поразить нас, и советую, как защищаться против них. Те (противники.— *М. П.*), пожалуй, могли бы меня упрекнуть, что я (их) противникам даю отправные точки для опровержения (*antilogion aformas*), но наши должны быть мне

благодарны» (395. 43—47). Не зная врага, по Кидонису, равносильно тому, чтобы выйти в бой, «имея щит из листьев, оловянное копье, шлем из воска и облачившись в льняной панцирь...» (400.74—76).

Стремясь познать аргументы латинян, влияние которых на народы Западной Европы не вызывало у писателя сомнений, Димитрий Кидонис не мог петь в унисон с теми энкомиастами, которые признавали значительность и влияние только Византийской империи. В связи с этим его стали обвинять в предательстве родины (*ten ton oikeion prodosian* — 368.83—84). Кидонис ставил под сомнение непревзойденное могущество нового Рима, а это означало отход от официальной политической идеологии. Писатель замечает: «Родина горда и не терпит, чтобы кто-то из граждан смел противоречить ее мнениям... Поскольку я (ее) гражданин, она принуждает говорить заодно с ней» (*sunegorein* — 400.94—97). Он порицает словоблудие энкомиастов, которые своими непомерными похвалами могут сослужить плохую службу отечеству. По мнению автора, они «ее умерщвляют неуместным угодничеством» (*para kairon kolakeia* — 401.23—24). О том, кто боится расстаться с идеями, могущими повредить родине, Димитрий Кидонис говорит, что он «плачет, словно дитя, лишенный по решению воспитателей неподходящих игр-шек» (396.56—57).

Необходимость знать другие народы и уважать то у них, что достойно уважения, по Кидонису, никак не совместимо с понятием «предательство». Он писал: «Это все я говорю ныне, друзья, не желая все латинское возвысить, а все наше отвергнуть, и не надо мне за эти слова такой награды, (за которую) я предпочел бы (ее) родине, соотечественникам, друзьям и полученному здесь образованию» (384.71—74).

Димитрий Кидонис не сомневался, что гражданский долг состоит отнюдь не в восхвалении отчизны: «Я называю (долгом) хорошего гражданина не только стремление приумножить делами честь города, но и заботу о том, чтобы он не приобрел дурной славы...» (396.52—54).

Писатель считал родину самым святым из всего, что имеет человек: «Я называю родину из всего другого, после Бога, более всего достойным почести и самым святым... Я ее ценю выше всего того, что я имею, и выше себя самого» (400.2—5). Он утверждает, что предпочел бы лишения в родном краю всем удовольствиям за ее пределами («...во время многих невзгод я скорее предпочел бы остаться на родине, чем в других (землях), развлекаясь, изведать большие удовольствия» (400.5—7). «При других обстоятельствах» (может быть, Кидонис имеет в виду войну) писатель «более, чем кто-либо, стремился бы защищать родину» (401.27—28). Он пишет: «Я стал бы тех (врагов.— М. П.) поражать, душить и уничтожать» (401.30—31).

Но, по Кидонису, любовь должна быть разумным чувством. В частности, он считает, что, восхваляя родину, нельзя поносить всех остальных, преступая этим истину и справедливость: «...из любви к ней (*dia to pros auten filtron*) я не решусь поносить Бога или ложь называть истиной, или безрассудно швырять свою душу в баратр» (400.7—9). Он утверждает, что есть предел для слепой любви, пусть речь идет даже о любви к отчизне: «...я обещаю быть слугой (*diakopon*) родине; если она требует предпочтения перед богом и истиной, я спрашиваю ее, нужно ли ей оказывать такую услугу, которая приносит вред и ей, и мне самому» (400.12—15).

Представленный анализ, позволяя реально ощутить разлад в политических настроениях высших кругов общества (в данном случае: энкомиасты — Кидонис), рисует столкновение официальной доктрины и индивидуальной позиции писателя и государственного деятеля Димитрия Кидониса по вопросу о патриотизме. Стремление противопоставить свою точку зрения официальной свидетельствовало о том, что отдаленные представители византийской интеллигенции, беспокоясь о судьбе родины, пытались спасти ее то путем утверждения сильной монархической власти, то путем союза с могущественными соседями¹⁴. Эти поиски ясно показывали, что официальная политическая доктрина дала трещину.

«Апология I» не убеждает читателя, что Димитрий Кидонис был патриотом. Его рассуждения о долге перед отчизной временами кажутся даже предательскими: поскольку родина не права, надо во имя спасения страны обратить взоры к ее противникам. Димитрий Кидонис не был одинок: латинофильство как одно из проявлений несогласия с господствующей идеологией к 60-м гг. XIV в. стало заметным направлением в византийской политической мысли. Прозападное направление ни в коей мере нельзя считать патриотическим. Трагедия Византии во многом определялась тем, что в империи перед лицом опасности не нашлось патриотической группировки. Противоположная латинофильству православная партия избрала своим идейным знаменем исихазм, уводивший верующих от общественных проблем в область трансцендентных устремлений. Однако противопоставление латинофилами высокой итальянской культуры мрачной мистике исихазма делало прозападное направление знаменем более прогрессивных слоев византийской интеллигенции, представителем которой следует считать для рассматриваемого времени прежде всего Димитрия Кидониса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Irmischer I.* Griechischer Patriotismus im 14. Jahrhundert.— XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 1971, p. 26;
Закржевская О. Г. Концепция патриотизма Никифоры Григоры (к вопросу о «греческом патриотизме» XIV в.) — АДСВ, 1977, вып. 14.

² *Demetrius Cydones*. Correspondance. Publ. par R.-J. Loenertz. Vatis., 1956, v. 1, 39. 4—5.

³ *Ibid.*, № 39. 32—33.

⁴ *Dölger F.* Rom in der Gedenkenwelt der Byzantiner.—Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 70—115; *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956; *Beck H.-G.* Reichsidee und Nationalpolitik im spätbyzantinischen Staat.—BZ, 1960, Bd. 53, H. 1, S. 86—94.

⁵ Fenster E. Laudes Constantinopolitanae.—In: *Miscellanea byzantina monacensia*, München, 1968, H. 9, S. 326 u.a.

⁶ *Соколов П.* Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, с. 338.

⁷ ММ, I, CXVIII, p. 263.

⁸ *Ibid.*, CCLXIY, p. 516.

⁹ *Démétrius Cydonès*. Correspondance, № 6.16—17.

¹⁰ *Hunger H.* Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden.—Wiener byzantinische Studien, 1964, Bd. 1, S. 57.

¹¹ *Beck H.-G.* Der byzantinische "Ministerpräsident".—BZ, 1955, Bd. 48, H. 2, S. 309—338.

¹² *Mercati G.* Notizie di Procoro e Demetrio Cidone, Manuele Caleca e Teodoro Meliteniota ed altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV.e Studi Testi. Vatic, 1931, 56, p. 350—403.

¹³ Э. Fenster не без оснований назвал «Апологию» шокирующей. *Fenster E.* Laudes Constantinopolitanae, S. 230.

¹⁴ *Поляковская М. А.* Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасила).—АДСВ, 1975, вып. 12; *Ее же.* Димитрий Кидонис и Запад (60-е гг.) — АДСВ, 1969, вып. 16.